

8. Нечаев В. А. Обзор фауны птиц (Aves) Сахалинской области // Растительный и животный мир острова Сахалин (материалы Международного сахалинского проекта). Ч. 2. Владивосток : Дальнаука, 2005. С. 246–327.
9. Нечаев В. А., Гамова Т. В. Птицы Дальнего Востока России. Аннотированный каталог. Владивосток : Дальнаука, 2009. С. 1–564.
10. Подковыркин Б. А. Список птиц северной части Курильской гряды // Зоол. журн. Т. 34. Вып. 6. 1955. С. 1379–1385.
11. Портенко Л. А. Орнитогеографическое районирование территории СССР // Фаунистика и экология животных. М. ; Л. : Наука, 1965. С. 61–66. (Тр. Зоолог. ин-та АН СССР. Т. 35).
12. Bergman S. Zur Kenntnis Nordostasiatischer Vogel. Ein Beitrag zur Systematik, Biologie und Verbreitung Kamtschatkas und der Kurilen. Stockholm. 1935. S. 1–268.
13. Uchida S. A list of the birds of the Kurile Islands // Doubutsu. Zasshi. 1912. N. 24. P. 270–280.
14. Yamashina Y. Die Vogel der Kurilen // Journ. für Ornithol, Jg. 79, 1931. H. 4. S. 491–541.

А. В. Ляшук
ВАСИЛИЙ ВЛАСЬЕВИЧ ПЕРФИЛЬЕВ:
СЕМЬЯ И СЛУЖБА

Василий Власьевич родился в 1865 г. в станице Мангут в семье урядника Забайкальского казачьего войска Власа Васильевича и Акулины Фил. (так в документе, точное отчество неизвестно. – А. Л.) Перфильевых. Его дальнейшая жизнь – непрерывный труд, приведший мальчика из казачьей станицы на пост губернатора Камчатской области. После окончания Иркутской мужской гимназии (в Иркутске жили родители отца) Василий Власьевич поступил на естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета. В 1888 г. В. В. Перфильев завершил обучение в университете и поступил в Петербургскую военно-медицинскую академию. Историк Б. П. Полевой уточняет, что Василий Власьевич был отправлен в Санкт-Петербург «на особые курсы при Военно-медицинской академии» после призыва в армию. Окончив Академию в 1893 г., Перфильев был определен на службу в пехотный резервный Остроусский полк, однако через месяц переведен в Приамурский военный округ врачом для командировок окружного военно-медицинского управления (1, с. 132).

Во время учебы в Санкт-Петербурге В. В. Перфильев стал семейным человеком. Его супруга – Анна Дмитриевна Смирнова родилась в Рязани в 1868 г., в Петербурге получила образование акушерки. 9 марта 1891 г. родился их первенец (2). Назвав сына Борисом, молодые родители решили, видимо, изменить своеобразной семейной «именной» традиции (отец Василия Власьевича – Влас Васильевич, дед и бабушка – Василий Сергеевич и Наталья Власьевна). Через два года у Василия и Анны Перфильевых родилась дочь Вера, затем еще два сына – Владимир и Виктор.

Поселившийся в 1893 г. с семьей в Хабаровске, Василий Власьевич активно занимался врачебной практикой, общественной деятельностью и благотворительностью. В 1897 г. В. В. Перфильев был принят на административную службу – назначен исполняющим обязанности делопроизводителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Умный и энергичный сотрудник неоднократно выполнял специальные поручения: Василий Власьевич посещал Северную Маньчжурию с целью выяснения условий заселения придорожной полосы вдоль КВЖД. Возглавлял в 1902 г. Хабаровскую санитарно-исполнительную комиссию во время эпидемии холеры. В 1903 г. был командирован в Забайкальскую область для разработки наиболее оптимальных мер по введению Временного положения об административном устройстве и суде кочевых инородцев. Кроме того, на службе пригодились и медицинские знания Перфильева, дважды его отправляли в командировки в Китай: во время «боксерского» восстания и Русско-японской войны. В 1904 г. Василий Власьевич Перфильев был назначен чиновником особых поручений V класса при Приамурском генерал-губернаторе (3, с. 167).

Помимо служебной, В. В. Перфильев активно занимался и общественной деятельностью. Его энергия удивляет. Создается впечатление, что этот человек ни то что дня – ни часа своей жизни не мог провести в праздности. В период с 1894 по 1900 г. Василий Власьевич являлся директором Николаевской публичной библиотеки в Хабаровске (на общественных началах и без вознаграждения!). За время своей работы на этом поприще Перфильев разработал основные документы о деятельности библиотеки («Положение...», «Правила пользования...», «Инструкцию к заведыванию...» и др.); ввел научную расстановку и учет фонда. Изучая интересы своих читателей, рассылал местной интеллигенции опросные листы. Жертвовал собственные деньги на приобретение новой

литературы, а дублетные экземпляры книг отправлял в другие библиотеки, училища и госпитали. Он смог добиться расширения площади библиотеки: были открыты читальный зал и зал для научных занятий. Василий Власьевич основал фонд «книжных редкостей и исторических памятников». Оставив пост директора библиотеки, Перфильев пожертвовал 1000 рублей на изготовление для нее чугунной ограды (4, с. 167).

Кроме поста «общественного директора» Николаевской публичной библиотеки, В. В. Перфильев входил в состав наблюдательного комитета за городскими лечебными учреждениями, исполнительной училищной комиссии, возглавлял родительский комитет Хабаровского реального училища. В 1903–1907 гг. избирался в комиссию для ревизии отчета городской управы Хабаровска, и, наконец, в беспокойное время 1904–1905 гг. трудился в составе продовольственной комиссии и комиссии для обеспечения правопорядка в городе (5, с. 289).

В 1909 г. В. В. Перфильев сопровождал генерал-губернатора Приамурского края П. Ф. Унтербергера в Санкт-Петербург в качестве заведующего его походной канцелярией. В Петербурге Василий Власьевич был, видимо, представлен императору как возможный кандидат на должность губернатора Камчатской области (6, с. 157).

Камчатская область была образована по одобренному Государственным советом и Государственной думой закону «Об административном переустройстве Приморской области и Сахалина, утвержденному императором 17 июля 1909 г. 22 июля Николай II подписал указ о назначении губернатора: «Чиновнику особых поручений статскому советнику Перфильеву всемилостивейше повелеваю быть исправляющим должность камчатского губернатора» (7, с. 157). Данная формулировка, по мнению исследователей, свидетельствовала о назначении В. В. Перфильева только «исполняющим обязанности» губернатора, а помехой для дальнейшей карьеры, к сожалению, стало его недворянское происхождение (8, с. 132). Как бы то ни было, именно Перфильеву предстояла напряженная служба на Камчатке.

В первый же год работы на посту губернатора Василий Власьевич предпринял ряд «экстренных» мер, направленных на улучшение жизни населения области. В наиболее отдаленные населенные пункты были доставлены медикаменты, а также книги и учебные пособия. Петропавловское двухклассное училище было преобразовано в четырехклассное. Удалось увеличить ассигнования для городской больницы и пригласить нескольких дипломированных медицинских сестер. Недалеко от Петропавловска В. В. Перфильевым была основана опытная сельскохозяйственная ферма «с целью поднятия земледельческой культуры и скотоводства». На Камчатку также была отправлена партия племенных быков и собак для улучшения местных пород. Наконец началось плановое дорожное строительство в области. При Перфильеве была проведена дорога от Петропавловска в сел. Завойко и построена часть дороги до Большерецка (9, с. 314; 10, с. 136–137).

Не ясно, сопровождали ли В. В. Перфильева в 1909 г. на Камчатку супруга и дети. Но, учитывая бытовые трудности, с которыми предстояло бы столкнуться в Петропавловске, и необходимость продолжать образование, можно сделать вывод, что семья Василия Власьевича, видимо, осталась в Хабаровске.

В 1910 г. успешно (с золотой медалью) окончил Хабаровское реальное училище старший сын Перфильевых. Почти год до поступления в университет Борис провел с отцом в Петропавловске. Исходя, по собственному описанию, «все горы в округе», молодой человек очень переживал, что до отъезда ему так и не удастся совершить восхождение на Авачинскую сопку, извергавшуюся в 1909 г. На вершину вулкана Бориса Перфильева влекло и чувство «спортивного» азарта, и более разумное желание сбора ботанических коллекций. «...Экскурсию на Авачинский вулкан я вначале откладывал до летнего времени. Хотя в это время доступ к нему труднее, чем зимой, зато, кроме удовлетворения простительного любопытства, можно сделать ботанические сборы в так называемой альпийской области, на Камчатке мало исследованной. Однако, несмотря на непродуктивность зимнего восхождения... я ухватился за нее обеими руками. После того как вершины Авачи достигли П. Ю. Шмидт, оповестивший об этом в агентских телеграммах, затем геолог Е. В. Круг и др. – сопка утратила ореол недоступности. Тем не менее, рассказы о препятствиях, которые представляются путнику скалами, провалами, а также вследствие выхода из трещин по склонам горы паров и различного рода удушливых газов и т. п. – подстрекали и нас испробовать свои силы» (11, с. 69).

И вот, наконец, в апреле 1911 г. Б. Перфильев и инженер И. И. Линтер отправились покорять Авачинскую сопку. «На следующее утро (4 апреля 1911 г.) мы выехали на двух нартах по хорошо наезженной собаками дороге, ведущей из Петропавловска вглубь Камчатки» (12, с. 70). Восхождение Перфильев и Линтер совершили на лыжах, разделив груз снаряжения, среди которого был и

фотографический аппарат, на двоих. «С высоты 2-х с половиной верст над уровнем океана я с нетерпением следил, как надвигалась с востока на безконечные хребты полоса света... которую привело памятное нам 6 апреля 1911 г. Ровно в пять часов утра мы тронулись с места и через четверть часа достигли высшей точки. Надо быть художником слова, чтобы передать развернувшуюся перед нами картину...» (13, с. 80). Однако вскоре Борису Перфильеву пришлось столкнуться с суровой реальностью – они не смогли вернуться в лагерь из-за начавшейся пурги. Трудно сказать, чем бы все закончилось для энтузиастов-путешественников, если бы не переполох в Петропавловске и своевременно организованная спасательная операция. «Вдруг послышались выстрелы и крики. На повороте за кустами замелькали собаки и, утопая в снегу, показались одна за другой четыре нарты. Вместе с нашим проводником на выручку нас приехал помощник уездного начальника К. Д. Логиновский во главе двух казаков и, чтобы руководить поисками, лучший знаток этой местности из отставных казаков. Мигом спасатели завладели нами. Нас растерли спиртом, и под неумолкаемые разспросы мы переоделись во все сухое... Мы узнали, что каюры вернулись в город в пятом часу, в разгар пурги. Вьюга кружила так, что дома в десяти шагах скрывались из виду. Легко вообразить, какое ужасное впечатление произвел наш проводник рассказом о случившемся... С величайшей поспешностью были снаряжены на выручку восемь нарт, разделенных на два отряда. С первым мы встретились» (14, с. 88).

В июле 1911 г. Борис Перфильев вновь совершил восхождение на Авачинскую сопку, на этот раз без каких бы то ни было эксцессов. Ему явно сопутствовала удача: «Начиная спуск с седловины на юг, я приглядывался кругом, чтобы не пропустить оставленного нами при зимнем восхождении имущества. Скоро вещи нашлись за камнем в целости. <...> Пролежавшие на сопке более трех месяцев непроявленные пластинки (Льюмьер) дали отличные снимки начала нашей зимней экскурсии» (15, с. 98). Эти фотографии с оригинальными надписями самого Б. Перфильева сохранились до наших дней. Их стиль напоминает описание восхождения на Авачинскую сопку. Видимо, аннотируя фотографии, Борис все так же был в образе «художника слова»: «Спустились по уступам из громадных глыб лавы к самому краю дымящейся расщелины»; «Густые клубы дыма и паров заслоняли не только дно расщелины, но и ее противоположную западную сторону, отвесная скала которой временами лишь вырисовывалась» (16), и далее в том же ключе.

Эти летние месяцы станут последними, которые Борис Перфильев проведет с семьей на Камчатке. В 1911 г. он поступит в Петербургский университет, на естественное отделение физико-математического факультета. Своей специальностью выберет ботанику и гидробиологию. В дальнейшем Бориса Васильевича Перфильева ждала блестящая научная карьера (17).

Вся семья Перфильевых собиралась в Петропавловске летом 1910 и 1911 гг. В то время как Василий Власевич занимался служебными делами, его дети активно «осваивали» окрестности города. Вера Перфильева вела своеобразный дневник, описывая эти небольшие путешествия. Проведя с отцом летние каникулы, Вера Васильевна покинула Камчатку, ее ждал новый учебный год в Хабаровской женской гимназии. «15 августа. Сегодня уже второй день, как я опять в море. Вышли из Петропавловска вчера утром... Нас пассажиров идет 5 человек: какой-то итальянский граф (граф Маркетти – А. Л.), англичанин доктор Бар, рыбопромышленник Крамаренко с сыном и я. Граф, кажется, искатель приключений, пишет книгу о своих путешествиях и за этим занятием проводит почти весь день. Крамаренко большею частью занимается фотографией – проявляет свои снимки, сушит, печатает. В первый же день он стал хвастаться своим сыном и воспитанием, которое он ему дает. Сын его действительно славный мальчуган (Гавриил (Гага) Крамаренко опишет свое путешествие с отцом по полуострову в книге «В Камчатку. Путешествие 11-летнего мальчика, описанное им самим», изданной в 1910 г. – А. Л.). Ему 11 лет, но на вид можно дать лет 12. Крепкий, живой и шаловливый, он целый день весел и на ногах. Учится во втором классе, в школе, где совместное обучение, одет по-английски, нисколько не стесняясь, вступает в разговор, расспрашивает, сам рассказывает. Отец брал его с собой по Камчатке, и Гага выучился стрелять и даже убил медведя, по словам отца» (18).

С рыбопромышленником Г. А. Крамаренко у Веры Васильевны вышел любопытный разговор, свидетельствующий, что далеко не все с энтузиазмом смотрели на административные преобразования на Камчатке: «С Крамаренко зашел у нас разговор относительно губернаторства на Камчатке. Он считает всю эту “камчатскую эпопею” преждевременной и безрезультатной затратой правительственных денег, уверяет, что это только временная проба на 5 лет, по прошествии которых губернаторство будет упразднено, а все эти вновь выстроенные казенные здания в Петропавловске превратятся в дачные домики, куда мы и будем ездить на лето. Чтобы Камчатка могла действительно

развиться и привлекать промышленников, чтобы она могла сделаться ареной для различных торговых предприятий, нужно дать “полную свободу русским”, а иначе она никого не привлечет, т. к. заработка хорошего она не дает, а проезд и жизнь там стоят дорого и неудобны...» (19).

Интересно, что многие из тех мер, которые сам Г. А. Крамаренко определял как необходимые для развития Камчатки (постройка телеграфа, расширение пароходно-почтового сообщения, заселение полуострова русскими переселенцами, предоставление русским предпринимателям различных льгот, постройка железной дороги), были введены в последующем камчатской администрацией (20, с. 84–85).

Вернувшись следующим летом на Камчатку, дети Василия Власьевича продолжили знакомиться со своим новым «домом». «Наконец-то мне представился давно ожидаемый случай поехать в селение и хутор Завойко на катере по реке Аваче... Дома разбросаны в беспорядке, все камчадалской архитектуры, т. е. бревенчатые, с маленькими грязными оконцами, крыты соломой, с наложенными вдоль жердями. Заборов никаких нет, улицы тоже. Только тропинки соединяют один домишко с другим, а кругом все поросло травой да кустарником. Почти около каждого дома амбар маленький на сваях, возле некоторых собаки привязаны. Тут же по “улице” томятся, лениво пережевывая свою жвачку, коровы... Резко выделяется среди всех изб один чистенький, новый домик городской архитектуры. Это дом старосты и сюда-то мы и вошли. Хозяин любезно встретил нас и провел в залу, приемную, гостиную, назовите, как хотите, вообще, комнату для гостей. Комната просторная, светлая, обклеена обоями. Несколько стульев и кресел мягкой мебели. На столе граммофон. На стенах в рамках висят: похвальный лист его старшего сына ученика II класса петропавловского училища и свидетельство генерал-губернатора о награждении старосты каким-то орденом... Начался обычный камчатский разговор: “Ну, что, как рыба идет?” – “Да, что, плохо идет, совсем мало рыбы-то”. – “А кислой много положили?” – “Помаленьку-то положили все-таки; которые по 400, которые по 500 штук, а больше то и не клали”... Разговор продолжался в том же духе. От нечего делать мы завели граммофон, обычную принадлежность всякого более зажиточного камчадала. Хотя случаются и у них такие курьезы: в одном селеньице чуть не в каждом доме по граммофону, но... все пластинки на английском, американском языке! Объясняется это очень просто. Граммофоны покупались американские, когда с Америкой велись еще довольно оживленные и чуть не единственные сношения и, разумеется, русских пластинок достать было почти невозможно. Покупали, что было у продавцов» (21).

Иногда подобные экскурсии развлекали Перфильевых, привносили новые впечатления в однообразную петропавловскую жизнь, иногда же, напротив, удручали. «27-го июня ездили на катере в Тарьинскую бухту. При ясной, тихой погоде выехали из города в 11 часов утра, ведя на буксире большую шлюпку и маленькую, на которой плыли 2 старика-старообрядца за скотом, оставленным ими раньше в Тарье, чтобы теперь перевезти его к себе в Паратунку... Дошли до Тарьи в 1 ч. 20 м. и причалили около консервного завода. Пошли его осматривать. Завод принадлежит К.О.П.Т. (Камчатскому торгово-промышленному обществу. – А. Л.), построен лет 7 тому назад и предназначался для консервирования рыбы, но работал он всего 1 ½ сезона, так что полученное едва оплатило содержание рабочих, а затем из-за неладов Компании с... прекратил свою деятельность и простоял около 4,5 лет в совершенном бездействии. В этом году все предприятия ликвидируются и продаются по частям, что возможно. Разбираются машины, печи с паровыми котлами, самые здания даже. Завод ожил после долгих лет запустения, но ожил для того, чтобы навсегда затем исчезнуть. Жалко было смотреть на его разрушение, жалко в особенности потому, что все совершенно еще новое, не испорченное, почти не употреблявшееся и вполне исправное, уничтожается из-за каких-то вздоров» (22). Нам, в свою очередь, приходится сожалеть, что Вера Перфильева столь осторожно-дипломатична в своих записях. Досадные пропуски не позволяют узнать, как же интерпретировалась история тарьинского консервного завода в семье губернатора.

В Тарьинской бухте Веру Васильевну заинтересовал еще один объект: «...мы поехали к переселенцам-молоканам на другой конец бухты. У них устроена даже небольшая пристань. Селение дворов в 10, расположено у подножья горы с одной и... леса с другой стороны. Избы сложены из дерна, резанного плитами, довольно велики, с окнами и печами, хотя не во всех избах. Молокане очень чистоплотны и даже устроили себе баню, из небольшой палатки, положили туда раскаленных камней, сверху плотно закрыли одеялами и парятся. Скот хороший, в особенности коровы, породистая и, по-видимому, хорошо содержится, молока дают много, и для хранения молока строят погребок небольшой из дерна» (23).

Василий Власьевич Перфильев, которого современники характеризовали как «человека широких взглядов», вынашивал планы привлечения на Камчатку молокан и представителей других

религиозных сект. Он откровенно говорил, что ему безразличны религиозные взгляды переселенцев, главное – их личные качества и отсутствие склонности к употреблению спиртных напитков (24, с. 140). Судя по записям дочери, некоторые из своих проектов губернатор Перфильев успел претворить в жизнь.

В 1911 г. сменился генерал-губернатор Приамурского края. В. В. Перфильев лишился столь действенной поддержки П. Ф. Унтербергера, настаивавшего в 1909 г. перед Петербургом на его назначении на пост губернатора Камчатской области. Несмотря на то, что новый главный начальник края Н. Л. Гондатти отправил в Министерство внутренних дел прошение об утверждении Перфильева в должности губернатора, ответа не последовало. Вернувшись из отпуска, Василий Власьевич не смог получить никакой определенной информации о своей дальнейшей служебной деятельности. 20 апреля 1912 г. Перфильев написал Гондатти: «Возможно ли при таких условиях возвращение в область? Очевидно, мне дано понять, что я должен уйти. Это я и решил сделать...» (25, с. 158). 8 июня 1912 г. Министерство внутренних дел известило главного начальника Приамурского края о том, что император освободил В. В. Перфильева от должности губернатора Камчаткой области «по болезни». 18 июня 1912 г. новым губернатором был назначен дворянин, вице-губернатор Приморской области Н. В. Мономахов (26, с. 158).

Василий Власьевич Перфильев скончался в 1914 г. недалеко от Москвы в санатории Подсолнечной. Анна Дмитриевна пережила супруга всего на два года. После смерти родителей опорой семьи стал старший сын Борис. Именно его в своих последних письмах обеспокоенная Анна Дмитриевна просила оказать поддержку Вере. Жизнь единственной дочери Василия Власьевича как-то не сложилась. Еще в ранних дневниковых записях Вера Перфильева предстает человеком ранимым, сомневающимся и склонным достаточно мрачно оценивать свою судьбу. В какой-то момент здоровье молодой женщины пошатнулось, в 1930-е гг. Вера Васильевна была уже на инвалидности и проживала в семье старшего брата.

Борису Васильевичу досталась и роль человека, сохранившего в истории память о семье Перфильевых. Он стал видным советским микробиологом, лауреатом Государственной (1941 г.) и Ленинской (1964 г.) премий (27, с. 1353). Личный фонд ученого, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, оказался неожиданно ценным для Камчатки. Именно там после смерти Б. В. Перфильева оказались некоторые документы и семейный фотоархив его родителей. Это порядка 10 альбомов с сотнями фотографий Камчатки (1904–1911 гг.), которые еще ждут своей публикации.

1. Василий Власьевич Перфильев. К 140-летию со дня рождения // *Время и события : календарь-справочник по Дальневосточному федеральному округу на 2005 г.* Хабаровск, 2004. 235 с.

2. СПФ АРАН. Ф. 1005. Оп. 2. Д. 10. Л. 123.

3. Василий Власьевич Перфильев. К 140-летию со дня рождения...

4. Там же.

5. *Бодиско А. М.* Из жизни Хабаровска. Хабаровск : Дальневосточная государственная научная библиотека, 2008. Репринтное издание. 291 с.

6. *Мухачев Б. И.* Документы фонда Приамурского генерал-губернатора об образовании Камчатской области и Камчатских губернаторах в начале XX века // *Дальневосточные архивы: прошлое – будущему : мат. симпозиума историков и архивистов Дальневосточного региона (10 сент. 2003 г.)*. Владивосток, 2003. С. 155–161.

7. Там же.

8. *Полевой Б. П.* Десять лет перед революцией. Из истории города Петропавловска-Камчатского // *Камчатка : лит.-худ. сб. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-е, 1991.* 172 с.

9. Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 428 с.

10. *Полевой Б. П.* Указ. соч.

11. *Перфильев Б. В.* Два восхождения на Авачинскую сопку. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. 34 с.

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же.

15. Там же.

16. СПФ АРАН. Ф. 1005. Оп. 3. Д. 7. Л. 2.

17. Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 38.

18. Там же. Д. 66. Л. 55.

19. СПФ АРАН. Ф. 1005. Оп. 3. Д. 66. Л. 57.
20. *Борисов В. И.* Семья Крамаренко на Камчатке // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Вып. 10. Петропавловск-Камчатский : Изд-во КГТУ, 2000. 132 с.
21. СПФ АРАН. Ф. 1005. Оп. 2. Д. 66. Л. 151.
22. Там же. Л. 143.
23. Там же. Л. 144.
24. *Полевой Б. П.* Указ. соч.
25. *Мухачев Б. И.* Указ. соч.
26. Там же.
27. Большая советская энциклопедия. Т. 19. М. : Советская энциклопедия, 1975. 3-е изд. 648 с.

В. И. Меньшиков **ЭКСПЕДИЦИЯ К СКАЛЕ КАХЕЯ**

В истоки р. Налычевой я впервые попал в 1969 г., когда мы совершали путешествие из долины р. Быстрой через Восточный горный хребет в г. Елизово. Выкатившись на лыжах в котловину Медвежьей тундры, я с восхищением обозревал панораму окружающих долину вулканов и обратил внимание на одинокую скалу в дальних отрогах горного хребта Ивулк. Она была абсолютно одинока, загадочна и казалась совершенно неприступной. Никто не мог сказать, как она называется и как к ней подойти. Тогда у меня возникло желание побывать в тех краях и посмотреть эту скалу поближе.

Весной 1983 г. я искал возможный перевал из р. Тихой в р. Порожистую. Поиски увенчались успехом. В истоках р. Тихой нашлась широкая удобная перевальная седловина, одинаково безопасная для прохождения зимой и летом. Спускаясь с перевала на лыжах, я знал, что где-то здесь должна быть та самая загадочная скала, которая так интригует всех туристов на горячих ключах. Но при быстром спуске отвлекаться нельзя, мы проскочили момент ее внезапного появления и увидели ее, когда скатились в пойму р. Порожистой и обернулись. Скала неприступно возвышалась далеко позади нас.

И только в 2006 г. появилась возможность сделать специальную экспедицию в эти места. Поскольку предстояло посетить глухой медвежий угол, где, возможно, в летнее время не ступала нога человека, я тщательно подошел к подбору участников экспедиции. Пригласил Владимира Роменского, опытного путешественника, который сопровождал меня во многих экспедициях и хорошо знал особенности камчатской природы. Он всегда обеспечивал безопасность мероприятия, т. к., кроме обязательных встреч с медведями во всех путешествиях, приходилось преодолевать бурные реки и проходить опасные склоны. Молодой кандидат наук, краевед и преподаватель Камчатского педагогического университета Ольга Ширяева шла со мной в третью экспедицию и отвечала за научную часть путешествия. Юрий Козлов, профессиональный фотограф и большой знаток камчатских трав, обладал веселым неунывающим характером и опытом многочисленных походов по Камчатке. Сергей Вылежанинов и Максим Веретеха – молодые, физически сильные ребята, волонтеры парка Налычево, помогли в переноске полевого снаряжения и организации базового лагеря.

5 августа 2006 г. наша небольшая группа вышла с кордона на р. Горячей и по тропе WWF пошла в сторону Таловских ключей. Преодолев невысокий перевал «Малыш», спустились к р. Порожистой и, перейдя по мостику на левый берег реки, сошли с туристской тропы. Наш путь лежал вверх по реке. Парковый лес березы Эрмана с небольшими куртинами ольхового и кедрового кустарника не слишком мешал продвижению. Через полчаса мы вышли на термальные площадки Краеведческих ключей. Это самые западные участки большой зоны выхода термальных вод между реками Порожистой, Шайбной и Таловой. Эти ключи открыл и описал камчатский краевед Проконий Новограбленов в начале XIX в., и затем более подробно исследовал в 1950-х гг. Владимир Семенов. Обогнув термы, мы последовательно перешли руч. Шевелевский, затем руч. Тришкина и через 2 часа вышли на руч. Андерсона, где нам предстояло разбить базовый лагерь. Таинственная высоченная скала возвышалась прямо над нами. Палатки поставили на террасе, на левом берегу ручья. Многочисленные медвежьи лежки нас не смутили. Медведь лояльно относится к человеку, если последний не нарушает основ взаимоотношений человека с животным миром. Весь вечер мы сидели у костра, любовались удивительно красивой скалой и разрабатывали маршрут ее исследования.